

Сладострастная трагедия

Он не был ни великим ученым, ни выдающимся политическим деятелем, ни, тем более, талантливым писателем. В сущности, всю свою жизнь он бездельничал, жил за чужой счет и хотел от жизни лишь одного — бесконечной череды удовольствий. Однако его имя стало нарицательным: его с гордостью носят неугомонные любовники и покорители женских сердец. Так был ли Казанова на самом деле великим соблазнителем или это миф, созданный им самим?

Ночные шалости

Джованни Джакомо Казанова родился в Венеции 2 апреля 1725 года. Его родители были актерами и якобы принадлежали к дворянскому роду Палафоксов. Подтверждений благородного происхождения будущего знаменитого авантюриста и любовника не обнаружено, однако где бы он ни бывал, куда бы ни путешествовал, везде представлялся высоким титулом. Шевалье де Сейнгальт, графом Фаруси, виконт де Ассанте — чего только не придумывал его честолюбивый изобретательный ум. Однако способностей у него явно было не занимать: он читал с трех лет, к десяти знал пять европейских языков, в четырнадцать одаренный юноша закончил школу в Падуе, а затем изучал право во Флоренции.

Учебке помешали, как он сам потом писал в знаменитых «Мемуарах», «ночные шалости». Свою невинность Джакомо потерял в четырнадцать, что по тем временам было не так уж и рано — тринадцатилетние невесты под жарким средиземноморским солнцем были отнюдь не редкость. Он соблазнял юных селянок и водил амурную дружбу с вдовушками втрое старше себя, кружил головы замужним матронам и не скупился на жриц продажной любви. Возможно, большую часть своих пикантных приключений того времени Казанова просто придумал, но яркость деталей, живость образов и указание конкретных имен и фамилий позволяют предположить, что к женскому полу он был неравнодушен. Вот что он написал еще восемнадцатилетним:

«Женщина отличается от мужчины тем, что абсолютно честна в постели, и абсолютно лжива во всей остальной своей жизни!»

Тогда же он впервые узнал обратную сторону любви — потребовалось обращение к «особому доктору»; если опять же верить его «Истории моей жизни», то «гусарский насморк», а проще говоря, банальная гонорея, настигла его в общей сложности двадцать семь раз и в конце концов стала одной из причин смерти.

Благодаря артистической профессии своей матери Джакомо с юных лет вращался среди представителей высшего света и дипломатов, живших в Венеции, вообще-то бдительно охраняющей свои

секреты от иностранцев. Никакой конкретной профессией он так и не обзавелся — понемногу писал стихи и памфлеты, занимался переводами, выполнял мелкие поручения сената. Но гораздо больше предпочитал бывать на пирушках и балах, заводил полезные знакомства и мелкие интрижки, в полной мере используя свое обаяние. Игнорируя все официальные запреты на общение с представителями других государств, юный прожигатель жизни свел тесную дружбу с аббатом Берни, графом Лионским, послом Франции в Венецианской республике. Когда Берни в 1757 году стал министром иностранных дел Франции, жизнь Казановы круто меняется — для начала под вымышленным предлогом он отправился в Париж.

PENGUIN CLASSICS

GIACOMO CASANOVA

The Story of My Life

С корабля в будуар

Франция поразила молодого итальянца. В те годы его родина считалась самыми задворками Европы, жалкими развалинами великой античной империи; нравы там были куда провинциальнее и, благодаря влиянию Папы Римского, строже. А здесь его стремление брать от жизни все встретили самый горячий отклик, к тому же не надо было задумываться, как добывать хлеб насущный. Из его «Мемуаров»:

«Мсье де Берни принял меня как обычно, то есть не как министр, а как друг. Он поинтересовался, не соглашусь ли я выполнить несколько секретных поручений».

Казанова мог и даже очень обрадовался, когда ему напрямую предложили заняться международным шпионажем. Он начал выполнять деликатные миссии французского двора, фактически став агентом-нелегалом, которые, во-первых, были неплохо оплачены, а во-вторых, позволяли ему свободно разъезжать по Европе. Именно к такой жизни он и стремился — огромное количество новых впечатлений, новые знакомства, небрежимительная, хоть и опасная работа. А главное — бесконечная вереница женщин разных национальностей и социальных слоев, молодые, старые, богатые, бедные, графини и простолюдинки, иногда ради них он рисковал поставленной перед ним резидентами задачей, а значит, и самой жизнью. К примеру, в Дюнкерке перед встречей с аббатом де Лавилем он познакомился с молодой баронессой Анной Гальярдо и провел в ее будуаре три дня, не явившись на конспиративную квартиру и потеряв донесение. А в Гавре, на корабле «Луизиана», где ему

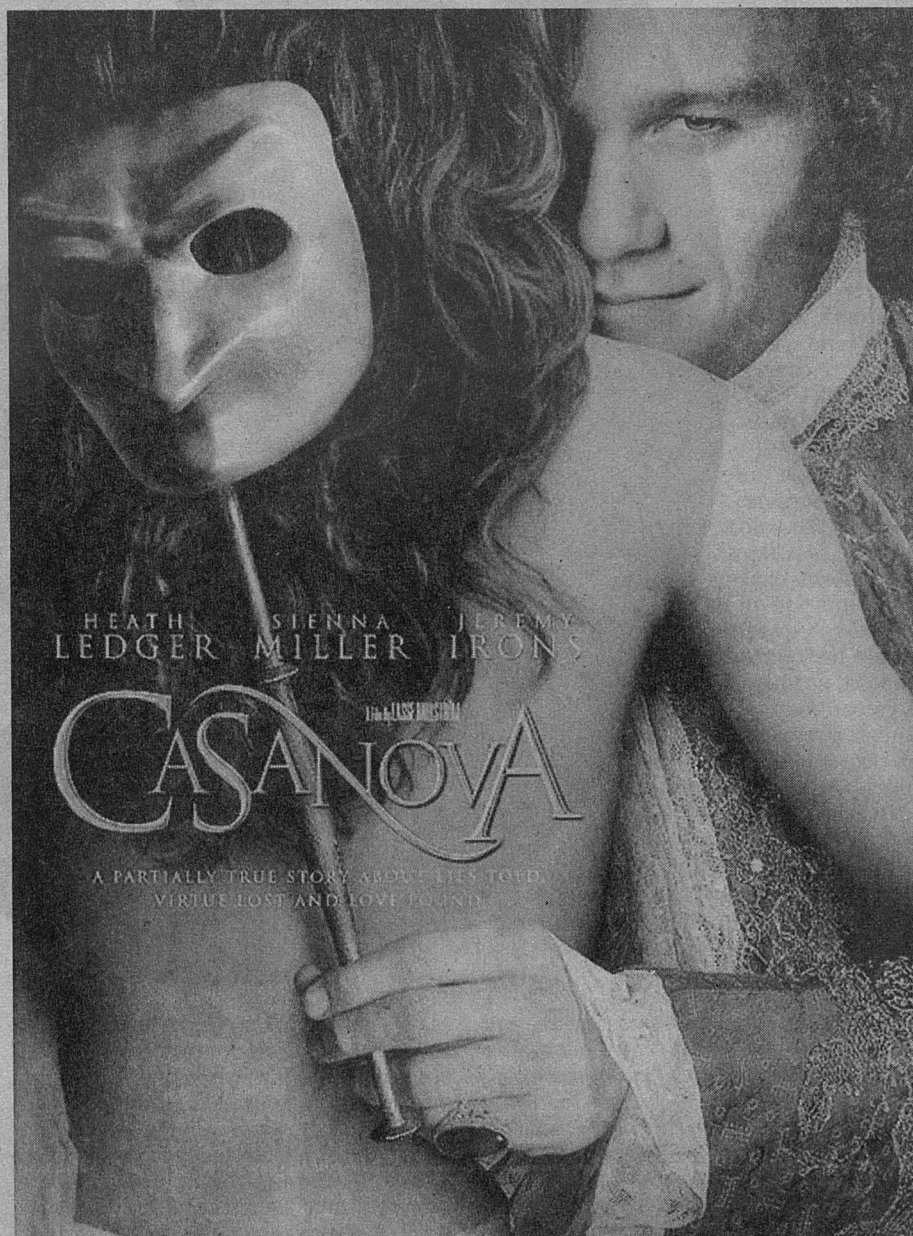
предоставили каюту, соблазнил жену капитана де Ланкло, своего тогдашнего шефа, и вынужден был спасаться бегством.

Но всему хорошему когда-нибудь приходит конец. Когда вместо аббата Берни министром иностранных дел стал герцог де Шуазель, шпионская деятельность Казановы сошла на нет. Его просто вышвырнули на улицу, посчитав дальнейшее общение с любвеобильным порученцем вредным для дела. Хорошо еще, что не отрубили голову — даже до изобретения гильотины во Франции это было вполне логичным финалом работы тайного агента, особенно не слишком надежного. Это произошло в самом конце 1758 года. Но Джакомо слишком пристрастился к острым ощущениям, легким деньгам и порханию из одной женской постели в другую — за два года у

него, согласно собственным записям, было свыше ста любовниц, хотя исследователи называют куда более скромную цифру — около пятнадцати.

От тюрьмы и от сумы

Полгода Джакомо болтался по Европе, проживая последние шпионские деньги и собирая сладкую дань амурных приключений. Неотразимый соблазнитель не брезговал банальным альфонсизмом — так, в Марселе он посулами и ласками выманил у немолодой вдовы маршала де Виньи тысячу ливров — немалую по тем временам сумму. Побывав в Неаполе, Риме, Константинополе, Париже, он вернулся в Венецию, где надеялся пожить деньгами у матери и старых влиятельных друзей. Но вместо этого, по официальной версии, за подлог, лжесвидетельство и богохульство в

1759-м был заключен в тюрьму Санто-Кроче. Вероятнее всего, Казанова легкомысленно забыл, что дома у него больше врагов, чем доброжелателей, слишком хорошо помнящих его странную дружбу с французским дипломатом и эротические стишки, оскорбляющие влиятельных венецианцев. И вообще, те фривольности, к которым он привык на севере, здесь были совершенно неуместны.

Санто-Кроче было не самым приятным местом на земле — холод ночью, люта жарой днем, крысы, мокрицы и миска поленты — кукурузной каши на обед и на ужин. Пожалуй, единственной пользой заточения стало то, что именно там Казанова начал активно писать. Сначала он строчил письма во все инстанции, умоляя то разобратся в его деле, то просто помириться. Но когда понял, что выпускать его не собираются, начал постепенно описывать свою бурную жизнь, особенно смакуя эротические моменты. Начало «Истории моей жизни» было положено, как это часто случалось в XVIII веке, на тюремных нарах.

В 1761-м он бежал. В этом деле до сих пор много неясного: наверняка, охрану подкупил кто-то из симпатизирующих Франции оппозиционеров, пребывающий в уверенности, что Казанова до сих пор является секретным агентом Парижа. Он же, этот неизвестный благодетель, судя по всему, и дал ему денег, и помог скрыться за пределы республики. Джакомо снова окунулся в ту самую жизнь, по которой так скучал, парясь в мрачных тюремных застенках. И все закрутилось снова.

«Каждый новый день более ценен, чем предыдущий. Он дарит нам надежду, а прошлое оставляет лишь воспоминания».

В 1763-м Казанова прибыл в Берлин, где имел аудиенцию у Фридриха Великого, очень интересно описанную в его мемуарах. Он должен был получить место начальника кадетского корпуса, но не-

жданно направился в Петербург, где провёл полгода при дворе Екатерины II. Русская царица питала странное пристрастие к итальянским авантюристам — она уже успела облагодетельствовать Джузеппе Бальзамо (Калиостро) и Андреа Сфорца (графа Бежара). Ходили даже слухи, что у Казановы и Екатерины была любовная связь. Но виконт де Ассанте внезапно уе-

Чтобы как-то прокормиться, Казанова прибегает к испытанному способу — находит богатую старуху, оплачивающую его счета. Ей стала герцогиня де Линь, которой по одним сведениям было 55, а по другим — чуть ли не семьдесят. Финал этой связи был печален — мало того, что бабушка вскоре нашла себе любовника помоложе и порезвее, так она еще подала на Казанову в суд: он якобы украл у нее деньги и драгоценности. Окончательно испортив отношения с Францией, любвеобильный шпион отправился в Англию.

Ускользающая красота

В этой стране, которую он называл «удивительной и волшебной», о нем почти ничего не знали. Казанова осел в Лондоне (там вам и сегодня с удовольствием покажут особняк, где он жил) и занялся переводами и консультациями — ему нужно было зарабатывать на жизнь. Там же, на берегах Темзы, он встретил свою последнюю любовь. Известно, что ее звали Мэри-Энн и что Казанова засыпал ее подарками, умоляя об интимном свидании, но она, снисходительно принимая подношения, к себе его не подпускала.

Режиссеры, писатели и драматурги склонны были романтизировать этот эпизод из жизни великого авантюриста. Достаточно вспомнить «Казанову»

Федерико Феллини или «Плащ Казановы» с Аленом Делоном в главной роли. На самом деле, все было куда прозаичнее: Мэри-Энн в конце концов одержала победу над знаменитым соблазнителем его же оружием: она выманила у него практически все деньги, да еще и наградила ворохом нелестных эпитетов, самым невинным из которых был «мерзкий вонючий старикашка». А ведь ему было всего сорок девять! Таких поражений постельный боец еще не знал: оставшись без гроша и оскорбленный в лучших чувствах, он покинул столь жестоко обманувшую с

хал в Варшаву, откуда бежал по случаю дуэли с графом Браницким. Бежал, бросив все свои вещи и сбережения, — в Париж он прибыл фактически нищим и вынужден был искать место работы. Место было им получено — в географическом обществе, но полное нежелание напрягаться и скандалы пикантного свойства привели к тому, что его вскоре с позором выгнали.

ним Великобританию и снова отправился в странствия, на сей раз лишенные приятных любовных приключений. Во время своих странствий Казанова пришел к выводу, что его время прошло, и написал об этом словами истинного философа:

«Нельзя долго издеваться над кем-то, особенно над семьей. Все возвращается. Все! Расплата будет. Если человеку показать раздробленные кости рогатого козла, он пройдет мимо. Но он по этим костям так и не узнает живого козла, когда он с ним встретится через час».

Он снова слоняется по городам и странам, пытаясь обустроить свою жизнь, буквально перебиваясь с хлеба на квас, пока в 1779 году судьба неожиданно снова не улыбнулась ему: Джакомо получил место библиотекаря у графа Отто фон Вальдштайна, в его поместье Гут-Дукс в южной Богемии. Они уже были знакомы, что называется, в прошлой жизни — веселились на пирушках в Гессене и Праге, и однажды Казанова даже увел у аристократа любовницу — венгерскую красавицу-певицу Элону Фаркаши. Тогда, пятнадцать лет назад, Вальдштайн смотрел на Джакомо влюбленными глазами ученика, считая его настоящим гением покорения женских сердец. И вот перед ним оказался он, настоящая трагическая фигура, — больной, старый, нищий человек без дома, без семьи и даже без друзей.

Добрый молодцам урок

Узнав о том, что Казанова пишет «Историю моей жизни», граф пришел в восторг; он был уверен, что это станет величайшей книгой своего времени, и с энтузиазмом принялся договариваться об издании. Ему помогал герцог де Линь, по иронии судьбы, племянник той самой пожилой особы что подала на Казанова в суд. Однако позже новый библиотекарь приоткрыл ему маленький секрет: книга уже написана, и он более не желает ничего туда добавлять.

«Я решился бросить мемуары... ибо, перелавив за рубеж пятидесяти лет, я смогу рассказывать только о печальном...»

К такому решению Отто отнесся с пониманием, и вся работа шевалье де Сейнгальта, а именно так по привычке он представил Джакомо своим близким, состояла в том, что он в красках рассказывал о своих похождениях долгими вечерами у камина с бокалом токайского в руке. А домочадцы графа, особенно молодые люди, слушали его, открыв рот, понятия не имея о том, что львиная доля этих рассказов — чистейшей воды вымысел. Уж что-что, а вешать людям лап-

шу на уши Казанова умел. Его даже посетил Да Понте, соратник Моцарта, писавший тогда либретто оперы «Дон Жуан» и внимательно записавший некоторые из его историй.

По одной из легенд, Отто подарил ему искусно сделанную механическую куклу в виде юной девушки для удовлетворения его угасающих мужских потребностей. По более сухим историческим сведениям, граф раз в месяц присылал ему беловшивку «для починки одежды» — на большее бывший неутомимый паладин постельных битв был уже не способен.

Резко изменил фон Вальдштайн и свое отношение к его «Мемуарам»: он понял, что публикация этой скандальной и провокационной книги в раздираемой религиозными и межнациональными конфликтами Австро-Венгрии, куда в те годы входила Богемия, лишь подольет масла в огонь и пошатнет его собственные позиции. И потому под различными предлогами откладывал публикацию. В 1790 году Казанова отправил экземпляр рукописи во Францию, но там в это время последователи Робеспьера и Марата активно рубили головы Людовику и аристократам и меняли названия месяцев в году, так что в стране было не до эротических изысков иностранца-ловеласа. Рукопись так и осталась лежать на полке издательства «Риньи», она чудом избежала и пожара в 1823-м, когда сгорело все остальное, и других напастей, а в 1989-м была продана на аукционе за сто пятьдесят тысяч долларов. Имя Казановы постепенно забыли, а сам он, дряхлея и теряя память, дожил до старости и умер в своей постели 4 июля 1798 года, так и не познав последней ра-

дости — не увидев издания своей книги. В церковной книге записали: «Казениус, венецианец, 84 года». Перепутали и имя, и возраст — кому интересны имя и возраст смешного нищего старика... Хотя фон Вальдштайн сдержал слово и отправил еще один экземпляр «Истории моей жизни» в Париж.

Книга вышла в свет в 1822 году, а еще через полвека имя Казановы стало известным всему миру и остается таковым до настоящего времени...

Александр КУТИНОВ

